

СООТНОШЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО И СИМВОЛИЧЕСКОГО В ДЕКОРЕ
РУССКИХ ПРЯЛОК. К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТОРОНЕ
НАРОДНОГО ИСКУССТВА

*Работа представлена кафедрой теории и истории культуры
Государственного университета культуры и искусств.
Научный руководитель - доктор философских наук, профессор С. Т. Махлина*

Статья посвящена одному из аспектов изучения декора русских прялок как сложного явления традиционной культуры, представляющего собой сочетание религиозно-мифологической образности и высокой художественности. Рассматривается процесс ухода традиции в последний период бытования прялок в крестьянской среде, снижения уровня содержательности изображений на фоне увеличения декоративной составляющей.

Ключевые слова: прялка, орнамент, семантика, иконография, традиция, народное искусство.

The article is devoted to one of the aspects of studying the decor of Russian distaffs as a complex phenomenon of traditional culture presenting a combination of religious and mythological figurativeness and high artistic merit. The author considers withdrawal of tradition in the last period of distaffs' existence in the peasant environment and decrease of the level of images' significance against the background of growth of the decorative component.

Key words: distaff, ornament, semantics, iconography, tradition, folk art.

Характерным признаком русских прялок является сочетание высокого уровня художественного осмысления с наличием в их декоре разнообразных элементов, идущих из глубокой древности. В конце XIX - нач. XX в., когда в связи с повышением интереса к русской культуре и ее традициям частные коллекции стали пополняться

предметами народного творчества, прялки привлекли внимание в первую очередь историков искусства. В начале 20-х гг. XX в. появилось сразу несколько исследований, посвященных иконографии прялочного декора. Первые работы в основном представляли собой описания, однако и в них уже предпринимались попытки понять проис-

хождение и смысл тех или иных сюжетов. В последующие годы исследователи все чаще стали проявлять интерес к изображениям на прялках, как непосредственно связанным с формировавшимся веками мировоззрением их авторов.

Во второй половине XX в. интерпретация мотивов, составляющих прялочный декор, начала привлекать не только искусствоведов-исследователей народного искусства, но и историков и этнографов. В. М. Василенко, констатировавший, что «самым важным был и остается вопрос о значении, о смысле, о содержании крестьянских изображений и орнамента» [1, с. 114], открыл новую страницу истории изучения в том числе и декора прялок, заострив, таким образом, внимание на его знаковой стороне. В дальнейшей истории изучения резьбы и росписи на прялках тенденции к проникновению в суть изображений усиливались. Стали появляться работы, исследующие семантику тех или иных отдельных мотивов.

Процесс формирования прялочного декора ограничен во времени. Начало его уходит в глубину веков, а конец обозначен уходом прялки из повседневного обихода. Многие исследователи относят происхождение тех или иных мифопоэтических знаков на прялках к бронзовому веку [1, с. 77; 2, с. 246; 7, с. 484, 485; 8, с. 228]. Впечатление древней производит, например, Мезенская роспись. На эту мысль наводит лаконизм и предельная стилизованность орнамента, фигур животных и птиц, напоминающих наскальные изображения. Вполне может быть, что некоторые элементы прялочного декора берут начало в бесписьменный период, но при этом надо понимать, что о какой-либо древности декора прялок допустимо говорить с большой долей условности, так как дошедшие до нас образцы в большинстве своем охватывают не более двух веков.

Репертуар символов складывался в результате межэтнических и межкультурных контактов, использования разнообразных источников, динамика этого процесса обусловлена историческими и социально-экономическими причинами. В орнаментике прялок можно обнаружить одновременно мотивы и элементы, объединяющие их с единым мировым символическим словарем (солнечные знаки, мировое дерево, геометрические символы) и в то же время выявляющие поздние семиотические манифестации, определившие их уникальность. Соединение в орнаменте этнокультурных традиций Востока и Запада, подход к декорированию прялок, получивший принципиально новое осмысление в старообрядческой среде, сделали прялки специфическим явлением русской культуры. История появления и исчезновения тех или иных мотивов в декоре прялок неотделима и от истории России. Принятие христианства, уничтожение пантеона языческих богов с последующей заменой христианскими святыми, татаро-монгольское нашествие, церковный раскол, петровские реформы, революция 1917 г. - удар за ударом стирали древние смыслы, присущие земледельческой культуре и, несмотря ни на что, сохранявшиеся в крестьянской среде.

Б. А. Рыбаков, немало внимания уделявший в своих работах содержательной стороне прялочного декора, объяснил сочетание знаковой и эстетической составляющих с точки зрения практического использования прялок. Причины их насыщенной орнаментики ученый видит в защитной функции, называя прялку самым показательным предметом народного быта, раскрывающим «космологическую сущность орнамента - заклинания» [7, с. 484]. Основным источником опасности, по мнению ученого, - лен. Поэтому все предметы, связанные с изготовлением полотна (вальки, трепала, прялки), изобилуют «заклинательной сим-

воликой» (солярные знаки, идеограммы земли и другие элементы «языческой знаковой системы»). Цель: обезвредить, очистить лен от всякого зла, которое могли нанести ветры и наговорить люди; уберечь женщин, обрабатывающих лен; обезопасить изготавливаемую одежду [7, с. 480, 724]. Б. А. Рыбакову вторит О. В. Круглова, предположившая, что сочетание солярных знаков с парным изображением конских голов на ярославских теремковых прялках связывалось с понятием плодородия земли и «делалось как обереги, охранительные знаки женщины-пряхи» [5, с. 268]. Возможно, не только изображения, но и техника, с которой они наносились на поверхность прялки, например игра света, достигаемая трехгранновыемчатой резьбой, также выполняла функцию защиты от негативных влияний.

Декоративность русских прялок Б. А. Рыбаков связывает с пространственно-временными параметрами их использования: во-первых, это орудие труда дольше всех (несколько зимних месяцев) было в обиходе женского населения общины; во-вторых, прялка приносилась на публичное рассмотрение на посиделках [7, с. 485]. Как писал В. С. Воронов, восхищенный красотой прялочных росписей, «постоянная спутница женской доли, она привлекала к себе внимание народных художников. Девический быт всегда разукрашен... прялка украшала ее (пряху) наравне с одеждой, вышивками, бусами и лентами» [2, с. 200].

Процесс усиления художественности, который, безусловно, происходил, был инициирован в среде самих мастеров. Капиталистическое развитие России вовлекло их в рыночные отношения, прялки стали делать для продажи на ярмарках. Стремление завоевать покупателя усилило проникновение конъюнктурных мотивов в традиционные изделия, увеличило роль декоративной составляющей росписи и резьбы. Поскольку народное искусство отражает и полностью связано с социальными и этническими

ценностями, ему свойственно, сохраняя традицию, ориентироваться на новизну. Культурные контакты с Европой, активизировавшиеся в конце XVII - нач. XVIII в., привнесли изменения в стилистическую разработку вписанных в установленную композиционную схему изображений. Лубочные картинки, мелкие вещицы иностранного производства, монеты - все использовалось мастерами, чтобы придать «модный» вид традиционной символике. Новое время заставляло мастеров искать иные способы передачи информации, что отразилось в стремлении перевести традиционные мотивы в знаки, понятные покупателю, подстроив их под его вкус. Можно сказать, что в этом подстраивании отразился некий «трансляционный инстинкт», заставляющий человека хоть и на бессознательном уровне передавать исконный смысл.

В связи с этим изучение прялочного декора требует от исследователя особой осторожности, поскольку внешний вид изображенного может не всегда соответствовать его исконному смыслу, вводя в заблуждение. При описании мотива поездки в саних, встречающегося на многих прялках с разными типами росписи, из-за красочности и богатства сопровождающей этот мотив орнаментики ученые часто употребляют эпитет «жизнерадостный», называя его «праздничным выездом», заведомо внося в трактовку некую оценочность. Однако, как показывают этнографические источники, этот мотив вполне мог бы быть рассмотрен в связи с похоронным обрядом [3, с. 146—148]. Очевидно, что росписи красивы по форме, но это совсем не значит, что они веселы по содержанию. Приведенный пример свидетельствует не только о несогласованности описательного и исследовательского подходов, он показывает, насколько чужд субъективности должен быть составляющий иконографическое описание, тем более когда речь идет о народном искусстве.

О том, как долго удерживались знаковые функции элементов резьбы и росписи,

судить, конечно, сложно. На Русском Севере существовал обычай «показ подолов», зафиксированный в позднее время: девушки на выданье в определенный день выходили на улицу, а «парни подходили к девушкам вместе с пожилой женщиной, которая «задирала» у них сарафаны и показывала подолы рубах, на которых была вышивка. Тут же объяснялись «фигуры» вышивки и орнамент [6, с. 438]. Можно предположить ввиду близости мотивов трехгранномычатой резьбы на прялках мотивам вышивки, что были и в конце XIX в. в деревнях люди, умевшие грамотно наносить знаки на поверхность прялок и «читать» изображения на них.

По мнению О. В. Кругловой, чисто эстетическое значение утвердилось в народном искусстве в XVIII-XIX вв. [5, с. 266]. Архаические образы переосмысливались художественно, их декоративное значение росло. Красота изделий начала брать верх над их содержанием. «Как» изображено, стало важнее, чем «что». Десакрализация сюжетов декора прялок все же не была полной. В начале XX в. жительницы деревень хотя и отдавали должное росписям на прялках, выполненным профессионально, в городском стиле, восхищались ими, но при одинаковой цене покупали расписанную деревенским мастером [4, с. 20-21].

Ничто не могло лишить прялку ее высокого семиотического статуса. В этом убеждает ряд фактов. Композиционные схе-

мы, ограниченное количество сюжетов свидетельствуют об их важности для носителей традиции. Конечно, о тысячелетиях в отношении элементов, составляющих декор прялок, говорить не приходится, тем не менее, когда в декоре позднего периода стало проявляться стремление уйти от конвенциональных знаков к образам, несущим индивидуальное восприятие художников, нетипичные, оригинальные сюжеты все же были крайне редки. Поскольку выделенность того или иного предмета декором сама по себе признак наличия в нем некоего содержания, делающего его значимым, красота предмета тоже становится знаком - знаком ценности этого объекта. Хотя «эстетическая информация» и сопряжена с процессом десемантизации уже имеющихся знаков и символов [9, с. 345], прялочный декор никогда полностью не выключался из процесса передачи информации, даже будучи осмыслен только эстетически. Напротив, высокая художественность декора явилась в какой-то степени средством усиления сигнала, ведь именно красота прялочной орнаментики привлекла внимание исследователей на начальном этапе изучения прялок, и, более того, красота спасла прялки от забвения или уничтожения, обеспечив им места в фондах и экспозициях музеев. А посвященные декору прялок исследования доказывают, что некоторые смыслы мастерам все же удалось сохранить и передать во времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Василенко В. М.* Народное искусство: Избранные труды о народном творчестве X-XX вв. М.: Советский художник, 1974. 294 с.
2. *Воронов В. С.* О крестьянском искусстве: Избранные труды. М.: Советский художник, 1972. 350 с.
3. *Дмитриева С. И.* Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М.: Наука, 1988. 240 с.
4. *Истомин П. Г.* Современное народное искусство на Севере // На Северной Двине: Сб. Архангельского общества краеведения. Архангельск: Архангельское общество краеведения, 1924. 92 с.
5. *Круглова О. В.* Древняя символика в произведениях народного искусства ярославской области // Советская этнография. 1971. № 1. С. 264-269.
6. *Русский Север: Этническая история и народная культура XН-XX вв.* М.: Наука, 2001. 848 с.
7. *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М.: София; Гелиос, 2001. 744 с.
8. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: София; Гелиос, 2002. 592 с.
9. *Чертков Л. Ф.* Знаковость. СПб., 1993. 388 с.